

"Я УВИДЕЛ ТЕБЯ, РОССИЯ..."

*В чистом поле ДОЖДИ косые.
Эх, нищета, за душой ни копыя!
Я не знал, где я, где Россия,
И куда же я без нея.*

Так пел Александр Башлачев, крепко связывая свою поэзию с национальными духовными корнями. И продолжал, заставляя каждого ощутить сопричастность к судьбе этой земли:

*Я не знал, где искать Россию,
А Россия есть росс и ты.
А заканчивалась эта песня традиционно — трагически:
Я увидел тебя, Россия.
А теперь посмотри, где я.*

Горький упрек, который мог бы бросить не один Башлачев, а многие талантливые люди, вовремя не понятые и не сбереженные своей страной. Но в этих словах не только вызов, но и зов: "Посмотри, где я"...

17 февраля исполнилось 10 лет со дня гибели Башлачева. Хотя и с опозданием, но посмотреть в его сторону нужно.

Его творчество можно соотнести не только с рок- и бард-культурой, но и с традиционной отечественной поэзией, со сказаниями Древней Руси... Далеко заводит цепь времен, одним из звеньев которой стал Башлачев. В плоскости музыкально-поэтической, а не социально-политической, разумеется. А то, что стал, — это бесспорно. Потому что принадлежность к культуре определяется не качеством стихотворных сборников и не частотой появления на радио и ТВ. Рядом с сонмом расплодившихся ныне певчиков и графоманов Башлачева представить невозможно. Вряд ли его именем назовут улицу или музей, как это хотят сделать, например, с именем Талькова. Последнего — под горячую руку тотальной демократизации — возвели в ранг пророка. Любят у нас самоуверенных проповедников, толкающих свои недобрые идеи с трибуны или с большой эстрады. И не важно, что в их речах никакой поэтической ценности, а лишь политическая. Главное — прийтись к месту и ко времени. А Башлачев определял положение поэта совсем иначе: "Пусть не ко двору эти ангелы-чернорабочие", "Тот, кто любит, да не к сроку, Тот кто исповедует, да сам того не ведает". Вот и посоревнуйся в таком-то положении с теми, кто прочно стоит на своих красно-белых позициях. Башлачеву не нашлось места ни в застойные, ни в перестроечные годы, потому как не было в нем ни советской, ни антисоветской "закваски". Он был русским поэтом. Просто русским — без всяких "наклеек". И связь времен ему удалось восстановить очень легко — срифмовав в одной строфе слова "Царь-колокол" и "рок-н-ролл". И в этом не было никакой натяжки: одно проистекает из другого: "Я мету сор новых песен из старой избы..." История в песнях Башлачева существует не на уровне Кремля, а на уровне золотых куполов и выше. Время для поэта — это судьба, а не повод гаденько похмыкать над несуразной Родиной, которая со своими дураками и дорогами под ногами мешается. Он был зорким поэтом и за всем "сором" сумел разглядеть главное. Как у Галича в "Русских плачах":

Я молю тебя: Выдюжи!

*Будь и в тлени живой,
Чтоб хоть в сердце,
как в Китеже,
Слышать благовест твой!..*

Так и у Башлачева: "в сердце" его песен всегда звенит Русь, только не ортодоксально-церковная, а языческая, где "матюги с молитвами":

*Загремим, засвистим,
защелкаем —
Проберет до костей,
до кончиков!
Эй, братва, чуete печенками
Грозный смех русских
колокольчиков?*

Содержимое этих песен вневременное и всевременное. В их фольклорную мелодику врывается "хор Дома Радио и Центрального Телевидения", а бытовые детали вырастают до эпических образов:

*Только кольцами года
завиваются
В водоворотах пустых площадей,
Только ржавая вода разливается
На портретах Великих Дождей...*

Даже песни, привязанные к конкретному времени, сегодня звучат куда как актуально:

*За окнами — салют.
Царь — Пушкин в новой раме.
Покойные не пьют, да нам бы
не пролить.
Двуглавые орлы с побитыми
крылами
Не могут меж собой корону
поделить.*

"Он открывает мне многослойный смысл явлений и такие глубины, под которыми не пустота, а новый смысл", — писал о Башлачеве Булат Окуджава. По-моему, Башлачев рассматривал русский язык из какого-то четвертого измерения, откуда слово можно увидеть со всех сторон, да еще и "изнутри":

*Наша правда проста, но ей
не хватит креста
Из соломенной веры в
"спаси-сохрани",
Ведь святых на Руси только знай выноси!
В этом высшая мера:
скоси — схорони.*

определению, "во Имя Имен", т. е. ради какого-то надреального смысла. Его поэзия действительно была "мукой, а не мукою", не пустым перемалыванием словес. Он напомнил о главном назначении поэта — менять сознание людей, приводить их к правде. И качество его песен доказывает, что они способны были совершить такое чудо. По природе своей они таковы, что должны были передаваться из уст в уста, становясь народной гордостью:

*Наши беды вам и не снились,
Наши думы вам не икнулись,
Вы б наверняка подавились,
А мы же — ничего, облизнулись.
Лишь печаль-тоска облаками
Над седой, лесною страной;
Города цветут синяками,
Да деревни — сыпью чумною...*

Но такому размаху мешали какие-то частности, условности. Может, поэтому Александр Башлачев и поставил "знак кровоточия" в конце своей жизни так рано. Свою смерть он понимал как некое логическое завершение своей беспокойной жизни: "Я не погрешу против истины, согрешив за нее"... Его песня о поэтах вопреки традиционной формулировке называлась "На жизнь поэтов", потому как смерти у истинного поэта быть не может:

*Не жалко распять для того,
чтоб вернуться к Пилату.
Поэта не взять — все одно —
ни тюрьмой, ни сумой.
Короткую жизнь — семь кругов беспокойного лада —
Поэты идут... И уходят от нас
на восьмой.*

Но ведь восьмой круг лада — это одновременно первый круг лада новой жизни, на более высоком уровне.

Ольга ГОРНОВА